

В. А. Мильчина

<https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

✉ vmilchina@gmail.com

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации (Россия, Москва)*

ЩЕДРЫЕ ФЕРМЕРЫ И ПУБЛИЧНЫЕ ДЕВУШКИ

Рецензия на: Бенъямин В. Книга Пассажей / Пер. с нем. В. Котелевской; Пер. с франц. С. Фокина; Сост. Р. Тидеман. М.: Ад Маргинем Пресс, 2026. 992 с.: ил.

Благодарности. Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС.

Для цитирования: Мильчина В. А. Щедрые фермеры и публичные девушки // Шаги / Steps. Т. 12. № 2. 2026. С. 369–377. EDN: ZURMAG.

Поступило 8 января 2026 г.; принято 11 марта 2026 г.

V. A. Milchina

<https://orcid.org/0000-0003-3896-0085>

✉ vmilchina@gmail.com

*The Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
(Russia, Moscow)*

GENEROUS FARMERS AND PUBLIC GIRLS

A review of: Ben'iamin, V. [= Benjamin, W.] (2026). *Kniga Passazhei* [The Book of Passages] (Trans. from Benjamin, W. (1982). *Gesammelte Schriften, Vol. 5.1: Das Passagen-Werk* (R. Tiedemann, Ed.). Suhrkamp; V. Kotelevskaia, Trans. from the German, S. Fokin, Trans. from the French, R. Tideman [= Tiedemann], Ed.). Ad Marginem Press. 992 p. (In Russian).

Acknowledgments. The article was written on the basis of the RANEPА state assignment research programme.

To cite this review: Milchina, V. A. (2026). Generous farmers and public girls. *Shagi/Steps, 12*(3), 369–377. EDN: ZURMAG.

Received January 8, 2026; accepted March 11, 2026

Издательство «Ад Маргинем Пресс» выпустило перевод знаменитой «Книги Пассажей» Вальтера Беньямина (1892–1940). Красивый том объемом в почти тысячу страниц, долгожданный для всех многочисленных поклонников этого автора. Книга трудной судьбы, да, в сущности, и не совсем книга: Беньямин собирал материал для труда о Париже как «столицы XIX столетия»; он делал многочисленные выписки из французских и немецких книг, посвященных этой эпохе, которой был явно заворочен, иногда сопровождая их своими собственными размышлениями (их, по подсчетам переводчицы с немецкого Веры Котелевской, не больше 10%, все остальное составляют «чужие слова»). Переводчики книги пишут во вступительной заметке, что «в “Книге Пассажей” Беньямин почти что осуществил замысел всей своей жизни — создать произведение, составленное исключительно из цитат, “литературный монтаж”» (с. 8). Но только почти: представляется очевидным, что те цитаты, которые сам Беньямин успел разложить по тематическим папкам-конволютам («Коллекционер», «Фланёр», «Панорама», «Зеркала» и т. д.), — это лишь выписки, сделанные для самого себя, и Беньямин не стал бы вываливать на читателя весь этот ворох отдельных наблюдений «брутто». Однако окончательную форму он им придать не успел: перед бегством из Парижа в 1940 г., которое окончилось трагическим самоубийством на закрытой для беженцев франко-испанской границе (ее открыли несколькими часами позже), он оставил рукопись Жоржу Батаю, и благодаря этому она сохранилась частично в архиве Батая в Парижской национальной библиотеке, а частично у его вдовы и была издана Рольфом Тидеманом в 1982 г. Собственно, Вера Котелевская сама признает эту незавершенность «Книги Пассажей»: «Она так и высится незавершенной постройкой, храня следы становления, но не *став*, — испещренная правкой, вопросами и *nota bene* автора к себе, растущая с каждым новым озарением и каждым новым чужим текстом, который тут же вовлекался в живейшую рефлексю» (с. 903).

Тем не менее, несмотря на свою незавершенность, «Книга Пассажей», конечно, представляет огромный интерес для самых разных групп читателей — и для тех, кому дорого творчество Беньямина, и для тех, кто увлечен историей Парижа, и для тех, кого вообще увлекает археология культуры. А для меня эта книга особенно любопытна потому, что я, занимаясь — разумеется, в своем гораздо менее грандиозном и более локальном курсе — историей Парижа первой половины XIX в., читала многие из тех работ, которые цитирует Беньямин, а некоторые из них даже выпустила на русском языке¹. Переводчики «Книги Пассажей» моими переводами не воспользовались, но это их право; меньше всего я бы хотела, чтобы моя рецензия показалась продиктованной какими-то обидами. Ничего личного, никакого, как выражаются в официальных документах, конфликта интересов; если я и обижена, а точнее огорчена, то только за автора «Кни-

¹ См.: [Жирарден 2009; Мильчина 2014; 2019] (в последнем издании в числе переведенных 15 очерков есть такие, которые цитирует Беньямин).

ги Пассажей». К сожалению, с некоторыми местами в переводе я никак не могу согласиться, и мне кажется, что они лишают смысла текст Бенямина, который этого вовсе не заслужил. Я, разумеется, не вправе судить о переводе с немецкого, но большая часть выписок в книге — французские, что неудивительно, коль скоро речь идет о Париже. И вот к ним у меня немало вопросов. Моя рецензия, таким образом, посвящена не переводу книги Бенямина в целом, а его французской части — части значительной и существенной.

Есть вещи, которые представляются мне неправильными, но переводчик тут имеет право на свое видение. Так, мне кажется, что если мы переводим с французского на русский, то вместо транскрипции *фобур* (фр. *faubourg*) стоит употреблять русское слово *предместье* (это правильно и исторически, потому что все эти фобуры до 1702 г. были в самом деле предместьями Парижа и в его черту не входили). Или, например, мне кажется, что русское слово *тапки* совершенно не подходит к текстам середины XIX в., когда эта обувь (фр. *pantoufles*) называлась исключительно домашними туфлями, и в переводе очерка 1854 г. «неописуемые тапки» (с. 456) выглядят в самом деле неописуемо; для справки: в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) *тапки* появляются на сто с лишним лет позже, в 1960-е годы. Или мне, например, очень режет слух анахронизм противоположного рода: в книге дважды, в эпиграфе из «Отверженных» Гюго («Всё, что есть иногда, есть в Париже», с. 437) и в отрывке статьи «Фланёр» из словаря Ларусса XIX в. («...он [Бетховен] ничего не видел, его мысли витали иногда», с. 476), встречается удивительное слово *иногда*, которому в оригинале соответствует самое обычное французское *ailleurs*, означающее «в других местах». *Иногда* имеется в словаре Даля [1981: 45], но неизвестно НКРЯ и звучит чрезвычайно архаично; трудно понять, зачем в перевод стилистически нейтральных французских фраз вставлять это слово, откровенно устаревшее; между тем переводчик, видимо, так дорожит им, что ради него даже изменил традиционный перевод романа Гюго, принадлежащий, кстати, не М. В. Вахтеровой, как указано в сноске, а Н. Д. Эфрос: «Все, что существует где бы то ни было, есть и в Париже» [Гюго 1954: 21]².

Но по поводу всех этих случаев мне могут возразить, что переводчик так видит и не считает для себя необходимым придерживаться элементарных правил темпоральной стилизации. Допустим. Но есть вещи, которые на мой субъективный вкус списать не получится. Начну с простых неряшливостей. На с. 813 читаем: «Ранний, очень характерный образец фельетонного стиля в парижском письме от 12 января 1839 года из-под пера виконта де Лонэ (к м-м де Жирарден)». Как человек, выпустивший

---

² В давней статье Сергей Фокин сочувственно цитирует Вяземского, отстаивавшего в полемике с А. И. Тургеневым законность употребления в переводе речи Александра I перед польским сеймом слова *инде* [Фокин 2011: 233]. При всей любви к Вяземскому и его русскому языку должна признаться, что изумление Тургенева («Что за *инде* и два раза?») мне гораздо ближе, а уж применительно к «Отверженным» и «Фланёру» совсем неуместны, на мой взгляд, как *инде*, так и *иногда*.

еще в далеком 2009 г. целый том этих самых писем виконта де Лоне, могу заверить, что виконт и госпожа Дельфина де Жирарден — это одно и то же лицо; Дельфина выпускала свои парижские хроники под псевдонимом виконта де Лоне, но раздвоением личности не страдала и писем сама к себе не писала; у Беньямина, разумеется, никакого «к» нет, он просто поясняет в скобках, что виконт — это и есть госпожа де Жирарден [Benjamin 1982: 933]³. Предположим, это опечатка, так же как и смешной «бульвар Пинс-Эжен» (с. 127) — который не что иное, как бульвар Принца Евгения или, если выбирать транскрипцию вместо перевода, бульвар Пренс-Эжен (что, на мой взгляд, гораздо хуже, но это как раз дело вкуса). Но уже не опечатка, а ошибка — присутствие в книге таких удивительных персон, как М. Тьер (с. 883) и М. Barthélemy (с. 144). Между тем ни политического деятеля Тьера, ни сатирического поэта Бартелеми не звали ни Мишелем, ни Максимом, Тьер был Адольфом, а Бартелеми Огюстом, французское же М. перед их фамилиями означает просто сокращенное *Monsieur* ‘господин’.

Некоторые ошибки носят сугубо языковой характер. Например, в самом начале книги эпиграф из Максима Дюкана гласит: «История подобна Янусу, она двулична» (с. 12); однако ни Историю, ни Януса ни Дюкан, ни Беньямин не обвиняют в лицемерии (а слово *двуличный* означает ‘лицемерный’): в оригинале четко написано об Истории, что она «а deux visages» (S. 60) — дословно «имеет два лица», т. е. не *двулична*, а *двулика*. Не всегда благополучно обстоит дело с французскими произносительными нормами, которые следует соблюдать при транскрипции: фамилия республиканского издателя *Pagnerre* произносится как *Паньер*, а вовсе не как *Пагепр* (с. 805), а фамилия литератора Лео *Claretie* — как *Кларети*, а не как *Кларетье* (с. 105). И уж совсем диковинно звучит в русском тексте упоминание «карикуры Кама» (с. 126). Да, по-французски слово *Chat* действительно произносится как «кам», но дело в том, что знаменитый карикатурист Шарль-Амедей де Ноэ взял себе этот псевдоним в честь того библейского персонажа, которого по-русски всегда именуют Хамом. Игра слов тут двойная: художник прежде всего хотел подчеркнуть свое дерзкое неуважение к официальным персонам, над которыми безжалостно издевался в своих карикатурах, но у него имелись и сугубо семейные причины именовать себя Хамом, ведь его отец носил фамилию *Noé*, а так по-французски пишется имя другого библейского персонажа — Ноя, отца Хама. При превращении *Хама* в *Кама* вся эта игра пропадает безвозвратно.

Можно сказать, что все это несущественные мелочи. Такая же мелочь — появление в тексте «улицы Лагарпа» (с. 470). А в оригинале ведь недаром написано «*gue de la Nagre*» (S. 61); достаточно заглянуть во французскую «Википедию», чтобы узнать, что улица эта обязана своим названием не французскому литературному критику Жану-Франсуа де Лагарпу и не швейцарскому воспитателю Александра I Фредерику-Сезару де Ла-

³ В дальнейшем ссылки на это издание даются в скобках прямо в тексте после цитаты.

гарпу, а старинной вывеске, на которой была изображена арфа (*la harpe*), и потому именовать ее в русском тексте следовало бы «улицей Арфы» (или, если выбирать транскрипцию, «улицей Ла Арп», что, на мой вкус, несравненно хуже).

Положим, это все по-прежнему мелочи. Но ведь все они так или иначе касаются устройства той самой парижской повседневности XIX в., которая завораживала Бенямина и в которой он прекрасно разбирался. Поэтому он, конечно, не мог назвать заставы, на которых взимали пошлину за ввозимые в Париже съестные припасы и спиртные напитки, «таможенными барьерами, с помощью которой [sic!] щ е д р ы е ф е р м е р ы обеспечивали себе право на взимание пошлин с товаров» (с. 78; разрядка моя). Строго говоря, в оригинале в этой фразе французские только два слова, остальное все по-немецки. Но в этих двух словах и кроется весь смысл; в оригинале упомянуты, конечно, не *fermiers généreux* — щедрые фермеры, которым было совершенно нечего делать на таможне, будь они даже не щедрыми, а скупыми; нет, это *fermiers généraux* (S. 137) — генеральные откупщики, на чьи деньги в конце XVIII в., накануне Французской революции была построена крепостная стена с несколькими десятками застав (*barrières*), так и называвшаяся стеной Генеральных откупщиков.

Эти самые *barrières*, которые в переводе именуются то заставами, то граждениями, то барьерами, вообще порождают не одно недоразумение. Конволют О в книге Бенямина носит название «Проституция. Азартные игры». В нем обнаруживается следующий пассаж, почерпнутый из второго тома книги комиссара полиции Ф.-Ф.-А. Беро «Les filles publiques de Paris et la police qui les régît» (1839):

Так происходит во всех районах столицы, куда обычно стекаются проститутки. Проследите, например, за одной из этих девушек на бульваре, между заставами Сен-Мартен и Сен-Дени: она в шляпе с перьями и в покрытом шалью шелковом платье; она идет по улице Сен-Мартен, поворачивает направо на крохотные улочки, примыкающие к улице Сен-Дени, наконец, входит в один из многочисленных домов разврата и вскоре после этого выходит оттуда в костюме гризетки или пейзажки (с. 525).

Увы, проститутки — которых переводчик, кстати, напрасно, на мой взгляд, именует буквализмом «публичные девушки» (*filles publiques*), потому что в русском языке употребительны либо *публичные женщины*, либо *публичные девки*, — так вот, проститутки прогуливались по бульвару не между заставами Сен-Мартен и Сен-Дени, а между соответствующими воротами (как выразился по другому поводу Пушкин, дьявольская разница). Чтобы понять эту разницу, нужно представить себе топографию тогдашнего Парижа. Из центра идут на север параллельные улицы Сен-Мартен и Сен-Дени; они упираются в одноименные бульвары (участки того полукольца, которое сейчас называют Большими Бульварами), а за бульварами продолжают в северном направлении уже под названием улиц Предместья Сен-Мартен и Предместья Сен-Дени (тех самых «фо-

бур», которые я упоминала выше) и упираются в также упомянутую выше крепостную стену Генеральных откупщиков, а именно в заставы Сен-Мартен⁴ и Сен-Дени. Так было до 1860 г., когда стену разрушили, а с нею и большую часть застав. Но когда заставы еще стояли на месте, между ними шел отнюдь не бульвар, а крепостная стена, и прогуливаться вдоль нее «девушкам» было решительно незачем: клиентов они бы там не нашли. Другое дело ворота Сен-Мартен и Сен-Дени — триумфальные арки, выстроенные во второй половине XVII в.; они стояли и стоят на бульваре, в том месте, где улицы Сен-Мартен и Сен-Дени превращаются в улицы Предместья Сен-Мартен и Предместья Сен-Дени. Расстояние между воротами можно преодолеть минут за пять-десять, и место это было (и остается) очень оживленным; там «девушкам» открывался большой фронт работ. Впрочем, все мои объяснения, пожалуй, излишни; достаточно просто заглянуть в оригинал, чтобы увидеть, что там упомянуты не *barrières*, а *portes* (S. 626), а это не только разные слова, но и разные реалии.

Еще одна специфическая реалия парижской жизни, которая, кажется, осталась непонятой переводчиком. Бенъямин цитирует книгу журналиста Луи Люрина «Тринадцатый округ Парижа» (1850):

В ней район персонифицируется. Здесь нередки формулы вроде: «Тринадцатый округ отдается любви человека только в том случае, когда последний находит в нем любимые пороки» (с. 452).

Всякий читатель, разумеется, подумает, читая этот пассаж, что речь идет о каком-то пространстве Парижа, в котором некий «человек» живет и проникается к нему любовью благодаря его «порокам». Дело, однако, в том, что в 1850 г. в Париже округов было всего двенадцать; двадцать, как сейчас, их стало только после 1860 г., когда разрушили крепостную стену Генеральных откупщиков и включили в состав города так называемые лимитрофные коммуны, прежде располагавшиеся по ту сторону стены. Откуда же взялся тринадцатый округ? Так называли женщин-содержанок; про такую женщину, не состоящую в официальном браке, но имеющую постоянного, как сказали бы сейчас, «спонсора», говорили, что она замужем в тринадцатом округе. Вся книга Люрина посвящена таким женщинам и говорит он, разумеется, не о любви «человека», а о любви «мужчины» (по-французски и то и то — *un homme*). Но на этом проблемы с фразой про тринадцатый округ не кончаются. У Люрина написано: «Le treizieme arrondissement ne se dévoue à l'amour d'un homme, que lorsqu'il lui trouve des vices à aimer» (S. 542), что означает: «Тринадцатый округ отдается любви мужчины, лишь если находит в нем пороки, достойные любви». Активное лицо тут только «тринадцатый округ», т. е. женщина.

И еще один случай, где проблемы связаны и с реалией парижской жизни, и с французским языком. Бенъямин, как известно, огромную роль придавал такому элементу парижского градостроительства первой поло-

⁴ Эта застава, чаще именуемая заставой Ла Виллет, сохранилась до наших дней, однако окружающий ее пейзаж, разумеется, сильно изменился.

вины XIX в., как пассажи. Недаром он сам называл свою книгу «Работа о пассажирах» или «Парижские пассажи», а в результате издатели дали ей название «Книга Пассажей» (с. 989). И вот, рассуждая о «пассаже как храме», Беньямин цитирует очерк Амедея Кермеля из десятого тома много-томного издания «Париж, или Книга Ста и одного» (1833). О завсегдатае скромных пассажей, попавшем в роскошный пассаж Оперы, Кермель пишет (если верить переводу из «Книги Пассажей»): «Он не у себя дома; еще чуть-чуть, и он почувствует себя господином, словно проник в храм Господень» (с. 426). Немного странно, правда? Почему же скромный человек в богатом пассаже, с одной стороны, чувствует себя «не дома», а с другой — ощущает себя господином, а главное, почему господином он себя ощущает в храме Господнем? Там ведь как будто уже есть господин, и это сам Господь. Все разъясняется, если заглянуть в оригинал: «Il n'est pas chez lui; un peu plus, il se découvrirait le chef, comme s'il pénétrait dans le temple de Dieu» (S. 512). Словарное значение словосочетания *se découvrir le chef* — это не ‘ощущать себя господином’, а ‘обнажить голову’; именно так себя и ведет герой Кермеля: «В роскошном пассаже он не дома, еще немного, и он обнажит голову, точно в храме Божьем». Так перевела эту фразу я в своей книге «Парижане о себе и своем городе» [Мильчина 2019: 551], куда очерк Кермеля включен целиком. Я совершенно не настаиваю именно на своем варианте, хотя, раз мой перевод существует, думаю, в интересах читателей было бы сослаться на него и дать им возможность познакомиться с текстом, когда-то привлечшим внимание Беньямина. Но вот на том, что герой Кермеля не чувствовал себя господином, я настаиваю.

Точно так же я настаиваю, что панорамы не были спектаклем, «поставленным» или «представленным» в Париже. В переводе читаем о пассаже Панорам:

Вы можете догадаться, что своим названием этот пассаж обязан спектаклю, представленному во Франции в январе 1799 года. Первая Парижская панорама была поставлена американцем из Соединенных Штатов <...> по фамилии Фултон... (с. 561).

Из этих двух фраз невозможно не сделать вывод, что речь идет о театральном представлении. Между тем в оригинале употреблены совершенно другие глаголы:

Vous devinez que ce passage a du son nom à un spectacle introduit en France, au mois de janvier 1799. Le premier Panorama de Paris fut dirigé par un Américain des États-Unis ... qui se nommait Fulton ... (S. 664).

Речь идет о зрелище (*spectacle*), введенном (*introduit*) во Франции под управлением (*fut dirigé*) американца Фултона. И в самом деле, первые панорамы представляли собой две круглые башни, внутри каждой из которых размещалось круговое полотно без начала и конца; они были не

поставлены, а построены на Монмартрском бульваре по обеим сторонам пассажа, который потому и получил название «пассаж Панорам».

Не буду больше утомлять читателя перечислением неточностей и просто ошибок в переводах французских цитат. Разумеется, не все переводы в книге таковы, и кто-то вообще может сказать, что в такой большой работе наличие энного количества погрешностей — вещь вполне простительная. Может быть, и простительная, но очень досадная. Досадная и потому, что бросает тень на весь перевод в целом (поневоле начинаешь думать, что и на других страницах не все в порядке), и потому, что переводчик в других местах переводит те же выражения правильно! Он, например, знает, что стену вокруг Парижа выстроили не щедрые фермеры, а откупщики (на с. 550 приведен правильный перевод), и что глагол *se découvrir* (правда, без прибавления слова *le chef*) означает ‘обнажить голову’ (с. 629). Но почему-то это знание оказалось избирательным и сработало не во всем тексте. Может быть, виноват призванный на помощь искусственный интеллект? В таком случае помощник оказал переводчику медвежью услугу. И это очень жаль: ведь книга Беньямина во многих отношениях замечательная.

P. S. Уже после того как моя рецензия была сдана в редакцию, на сайте Gorky.media появилась замечательная рецензия Миши Коноваленко [2026] на еще более прискорбное издание Беньямина. Беньямину в очередной раз не повезло. И это, повторю, очень-очень жаль.

Источники

- Гюго 1954 — *Гюго В.* Собр. соч.: В 15 т. Т. 7. М.: Гос. изд-во худ. лит., 1954.
- Жирарден 2009 — *Жирарден Д. де.* Парижские письма виконта де Лоне / Пер. с фр., вступ. ст. и примеч. В. А. Мильчиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2009.
- Мильчина 2014 — Французы, нарисованные ими самими. Парижанки / Сост., вступ. ст. и ред. пер. В. Мильчиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2014.
- Мильчина 2019 — *Мильчина В.* Парижане о себе и своем городе: «Париж, или Книга Ста и одного» (1831–1834). М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Справочные издания

- Даль 1981 — *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М.: Рус. яз., 1981. [Репринт. изд. 1881 г.].

Литература

- Коноваленко 2026 — *Коноваленко М.* О чем Ленин пел Вертофлю: Еще раз о труде переводчика в современной России // Горький. 2026. 24 марта. URL: <https://gorky.media/context/o-chem-lenin-pel-vertoflyu>.
- Фокин 2011 — *Фокин С.* Перевод как незадача русской философии. Шестов, Бахтин, Подорога... Пушкин // Логос. 2011. № 5–6 (84). С. 212–236.
- Benjamin 1982 — *Benjamin W.* Gesammelte Schriften. Bd. 5.1: Das Passagen-Werk / Hrsg. von R. Tiedemann. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1982.

References

- Benjamin, W. (1982). *Gesammelte Schriften, Vol. 5.1: Das Passagen-Werk* (R. Tiedemann, Ed.). Suhrkamp.
- Fokin, S. (2011). Perevod kak nezadacha russkoi filosofii. Shestov, Bakhtin, Podoroga... Pushkin [Translation as a failure of Russian philosophy: Shestov, Bakhtin, Podoroga... Pushkin]. *Logos*, 2011(5–6, no. 84), 212–236. (In Russian).
- Konovalenko, M. (2026, March 24). O chem Lenin pel Vertofliu: Eshche raz o trude perevodchika v sovremennoi Rossii [What Lenin sang to Vertofl about: Once more concerning translator's work in contemporary Russia]. <https://gorky.media/context/o-chem-lenin-pel-vertoflyu>. Gor'kii. (In Russian).

Информация об авторе

Вера Аркадьевна Мильчина

кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных
исследований, Школа актуальных
гуманитарных исследований,
Институт общественных наук,
Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Россия, 119571, Москва, пр-т
Вернадского, д. 84
✉ vmilchina@gmail.com

Information about the author

Vera Arkadievna Milchina

Cand. Sci. (Philology)
Leading Researcher, Center for Studies
in History and Culture, School
of Advanced Studies in the Humanities,
School for Social Sciences, The Russian
Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospekt
Veradskogo, 84
✉ vmilchina@gmail.com